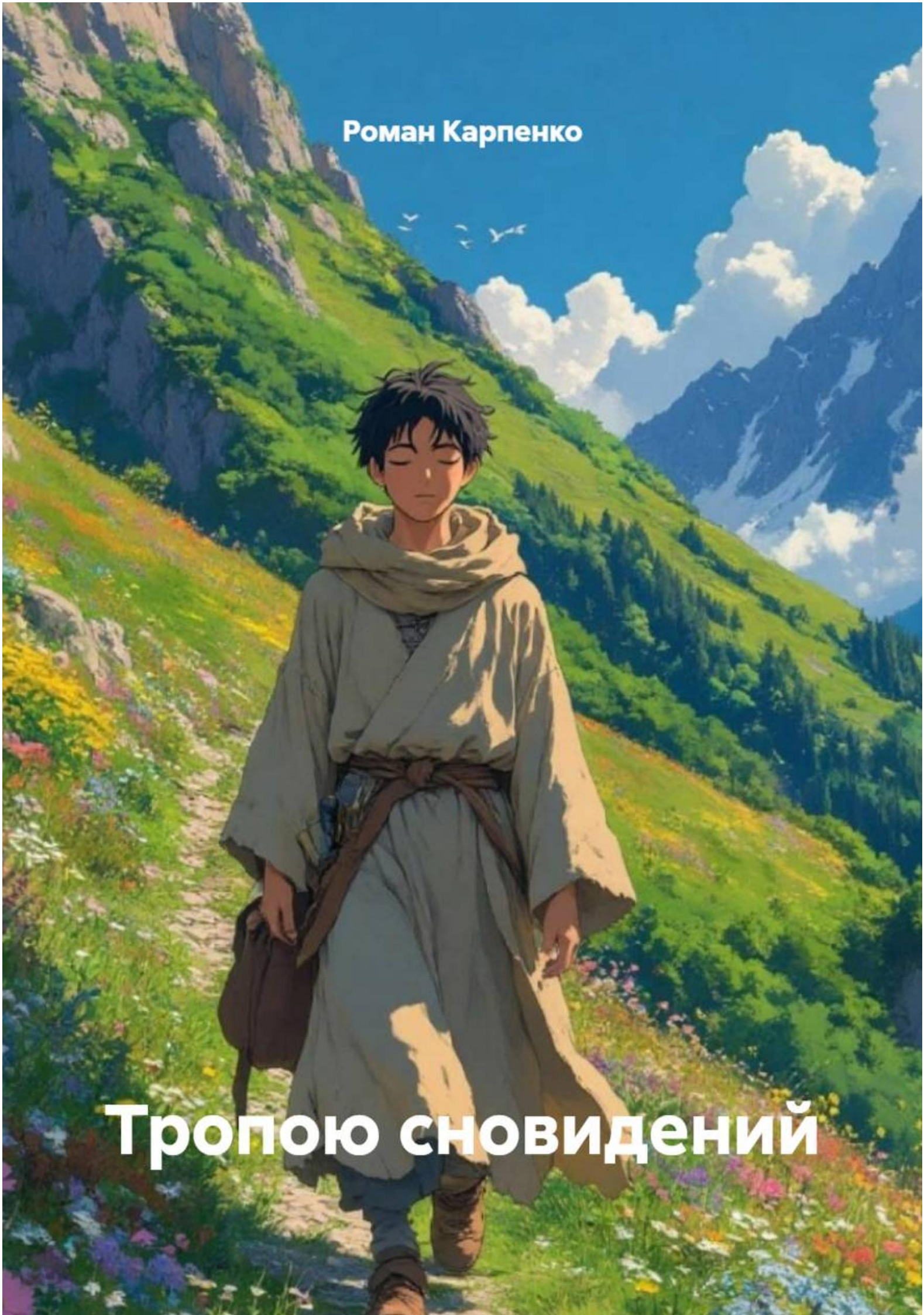

Роман Карпенко
Тропою сновидений

Роман Карпенко

Тропою сновидений

«Автор»
2026

Карпенко Р. Б.

Тропою сновидений / Р. Б. Карпенко — «Автор», 2026

болезнь одного человека, два мира, связанные друг с другом и тайна, которую читатель раскрывает шаг за шагом.

© Карпенко Р. Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Роман Карпенко
Тропою сновидений

Глава 1

Каждую ночь, когда я поднимаюсь по этой каменистой, заросшей чабрецом тропе, мир вокруг не сжимается и не искажается. Он не пытается казаться меньше, чтобы не напугать меня, и не раздувается до чуждых человеку масштабов. Он просто… раскрывается, словно старинный веер из сандалового дерева.

Первым делом я выключаю налобный фонарик. Его резкий, светодиодный, мертвенно-белый луч кажется мне грубым, святотатственным оскорблением для этой древней темноты. Он вырывает куски из живого полотна ночи, превращая тайну в плоскую декорацию. Вместо него я зажигаю маленький фонарик-светлячок, который прошлым летом выменял на три серебряных пуговицы у странствующего торговца на ярмарке у подножия. Тот клялся, что пришёл из земель, где горы умеют ходить. Внутри этого стеклянного, оплетённого медной проволокой флакона тихо звенят, перекатываясь при каждом шаге, густые капли пойманного лунного света. Его мягкое, струящееся фосфорическое сияние не прогоняет тьму, не колет её острыми углами, а словно деликатно приглашает к долгому, неторопливому разговору.

И ночь неизменно отзывается.

Из узких, сочащихся прохладой трещин в сланцевых камнях одна за другой выползают сигасумури — крошечные угольки-букашки. Они покрыты мягким мшистым бархатом, а их круглые глазки светятся, как искры затухающего костра. Сначала появляется одна, потом десяток, и вот уже они следуют за мной живым, тихо потрескивающим изумрудным ручейком, бережно освещая каждый выступ дороги. Воздух здесь густ. Но не от удушливой пыльцы давно забытых, уснувших богов, а от первозданного, честного запаха спящей земли: влажной лиственничной коры, прелой хвои и далеких, невидимых глазу цветов, что распускаются раз в сто лет, строго в полночь летнего солнцестояния. Этот воздух не обжигает легкие тайным знанием, от которого сходят с ума книжные мудрецы. Он делает нечто большее — наполняет грудь тихой, омывающей сердце радостью узнавания. Да, я знаю этот запах. Моя душа помнит его с тех немыслимо далеких времен, когда люди, звери и камни еще пели одну и ту же песню на одном языке.

Тропа под моими подошвами не шепчет испуганно или угрожающе: «Идет, идет…». Она благодарно вздыхает. Каждый мой шаг, выверенный и мягкий, — это легкий, целебный массаж для старой, уставшей, натруженной за тысячелетия спины горы. Стоит на секунду замереть, и я чувствую сквозь тонкую подошву сапог, как под податливой кожей травы и влажного мха дремлет мощный, невероятно медленный, но неостановимый пульс. В этом нет ни капли страха. Только абсолютная, звенящая близость. И в этой близости без остатка растворяется привычная грань между моим телом и лесом, между моим дыханием и ночным ветром, запутавшимся в кронах.

Но среди сотен этих мирных ночей были и другие мгновения. Не те, что грубо выпали из известных нам законов физики, а те, что мягко показали всю иллюзорность и хрупкость этих законов. Они не отняли у меня часть души, не сделали меня чужаком среди людей. Напротив, они подарили мне лишнюю, запасную часть — ту, что изначально принадлежала этому огромному миру.

Все началось даже не с тишины, которая пела, а с тишины, которая вдруг начала прислушиваться к моим шагам. Однажды ночью лес просто… замер. Затаил дыхание, словно огромный зверь перед прыжком или откровением. И тогда привычная тропа плавно разошлась

передо мной на две. Правая вела домой, а левая манила туда, где её никогда не было. Она уходила не в обрыв, не в зияющую пропасть, а в какое-то совершенно другое, параллельное место. Вместо привычного обсидианового серпантина под ногами оказалась пружинящая, упругая дорожка из седого мха. Она уводила в самую чащу, где вековые деревья были настолько велики, что их раскидистые верхушки терялись в перистых облаках, плывущих значительно ниже горных пиков. На их циклопических ветвях висели не птичьи гнезда, а настоящие гнезда тишины — полупрозрачные коконы, сотканные из серебряной паутины и сгущенного лунного света. Внутри каждого из них, едва заметно пульсируя, спало что-то первородное и чистое.

Там, в глубине этого туманного чертога, я встретил не грозное божество и не чудовище из сказок. Я встретил Хранителя. Он был похож на древнего каменного кота размером с хороший, поросший лесом холм. Его могучая спина была покрыта мягким ковром из лишайника и карликовых кривых сосен, корни которых уходили глубоко в его гранитную плоть. Из его огромной, полуоткрытой пасти, где вместо клыков явственно сверкали чистейшие кварцевые жилы, вырывалось ровное, монотонное, удивительно теплое дыхание. Оно пахло озоновой грозой, сухой сосновой хвоей и нагретым солнцем речным песком. Один его глаз, колоссальный и янтарный, напоминающий заходящее за горизонт солнце, был плотно закрыт. Другой же, мерцающий холодным, пронзительным светом прозрачного горного хрусталя, пристально смотрел прямо на меня. В этом взгляде не было враждебности или немого вопроса: «Что ты, букашка, делаешь в моем вековом сне?». В нем читалось спокойное, глубокое, почти ленивое узнавание: *«А, вот и ты. Я уж было подумал, что ты совсем заблудился в своих человеческих мыслях»* .

В тот миг я не почувствовал ужаса или распада. Наоборот, я ощутил, как мое маленькое, суетное, перегруженное дневными заботами человеческое «я» становится удивительно прозрачным, как отмытое весенним дождем стеклышко. И через эту прозрачность вдруг начало мягко светиться что-то гораздо большее, чем я сам. Мои личные воспоминания не отслаивались и не исчезали — они просто бережно вплетались в общий, бесконечный узор мироздания. Уютный треск костра, который в детстве разводила моя бабушка, вдруг стал продолжением треска ветки под тяжелой лапой лесного духа. Вкус первого в жизни сочного яблока плавно смешивался с терпким вкусом дикой земляники, которую я собирал здесь, на этих склонах, неделю назад. Все стало единым.

Хранитель медленно, со скрипом моргнул. И из-под его каменных век, шурша по лишайнику, выкатилась одна-единственная, огромная, кристально прозрачная слеза. Она с глухим стуком упала на мох прямо передо мной, но не разбилась на осколки. Она мгновенно застыла, превратившись в крупную каплю горного хрусталя, внутри которой, если присмотреться, плавно танцевала крошечная, пойманная искорка моего собственного отражения. А всматриваясь в глубину огромного хрустального глаза самого Хранителя, я увидел не магические руны, а живую, подвижную карту. Это была карта не земель или дорог, а ночных снов этой горы. Вот в этой низине сейчас тихо спят ледяные горные реки; вот здесь, укутавшись в туман, снятся сладкие ягоды медведям в берлоге; а вот там, на маленькой, зажатой скалами полянке, прямо сейчас снится тяжелый, удушливый кошмар одинокому заплутавшему путнику. И этот кошмар во что бы то ни стало нужно убаюкать, пока он не отравил душу человека.

Когда я окончательно очнулся, я снова стоял на своей привычной, знакомой до каждого камня тропе. Но мир вокруг уже изменился навсегда. В руке у меня лежала не холодная, безжизненная глыба ночи, а теплый, шершавый, пахнущий землей камень с четким отпечатком. Этот отпечаток напоминал лапу, но не звериную, с когтями, а такую, словно сама сырая земля мягко и с любовью нажала своими ладонями-холмами на глину. А в моем кармане при каждом движении тихо и мелодично позванивала хрустальная слеза Хранителя.

Теперь я поднимаюсь по этой тропе не просто как созерцатель. У меня появилась негласная, тихая миссия. Я — убаюкиватель кошмаров. Когда во время ночного обхода я кожей чувствую, как где-то в густой чащобе или распадке начинает сгущаться липкий, беспричинный

страх, я иду на этот зов. Нахожу то самое место, бережно кладу свой теплый камень-отпечаток на сырой мох и тихонько, вполголоса напеваю старую колыбельную, которую когда-то пела мне бабушка у печи. И черный страх, запутавшийся в ветках, бессильно рассеивается, оборачиваясь легким утренним туманом.

Иногда я оставляю у корней старого дупла кусочек домашнего хлеба или круглую блестящую пуговицу — скромный подарок для кодам, робких древесных духов. Я своими глазами видел, как они — бледные, похожие на полупрозрачные светящиеся грибы с забавными глазками-щелками — робко высовываются из коры и забирают эти подношения своими крошечными, почти невидимыми лапками, тихонько щелкая от восторга.

Я не страж этого порога. Я всего лишь званый, благодарный гость. И моя история — это не мрачное заклинание, призванное вызвать ночной ужас. Она — бережное, тихое приглашение. Приглашение хотя бы раз в жизни выключить этот яркий, плоский, искусственный свет, заставляющий нас бежать куда-то сломя голову, и дать своим глазам привыкнуть к истинному, глубокому, по-настоящему живому сиянию этого мира.

Вы готовы наконец услышать, что текущий по камням ручей поет не просто воду, а пересказывает историю каждого валуна, встреченного им на пути от самой вершины? Готовы увидеть, как ветер не просто слепо дует вам в лицо, а рисует невидимыми, прозрачными красками причудливые узоры на дрожащих листьях осин? Это знание не сделает вашу жизнь проще или безопаснее. Мир и не должен быть безопасным, предсказуемым или упакованным в пластик. Он должен быть живым. Полным великих тайн, пугающей красоты и тихого, древнего, непрекращающегося диалога, в котором и нам, людям, с самого начала времен отведена своя, очень важная и добрая роль.

Так что спросите себя, друзья мои, прямо сейчас, слушая привычный, монотонный шум огромного города за своим окном: может быть, и в этом бетонном лабиринте живет свой собственный дух? Усталый, чихающий от бензинового дыма, покрытый серой городской пылью, но все еще отчаянно мечтающий о бескрайних зеленых лесах и чистых звездах? Может быть, именно сегодня стоит выйти на балкон или приоткрыть окно, вглядеться в темноту и тихо сказать ему: «Я здесь. Я слышу тебя. Давай послушаем эту ночь вместе»?

Глава 2

Значительное время утекло с тех пор, как я примерил на себя тихую роль «убаюкивателя кошмаров». Моя жизнь окончательно разделилась на суетный дневной мир людей и эту ночную, подлинную реальность склонов. Кристальная хрустальная слеза Хранителя, подвешенная на простом кожаном шнурке у самого сердца, стала моим чутким компасом: она едва слышно, мелодично звенела всякий раз, когда в лесных распадках начинала сгущаться липкая, беспричинная тревога. В те же мгновения шершавый камень-отпечаток в моем кармане наливался густым, пульсирующим теплом, точно указывая дорогу к очагу невидимой беды.

Постепенно я перестал чувствовать себя чужаком в этих сумерках и начал безошибочно узнавать своих невидимых соседей. Теперь я подолгу заворожённо наблюдал, как нуру-кабуто — крошечные, пугливые духи росы, похожие на капли живой ртути — туманными утрами бережно катят свои хрустальные шарики по тончайшим нитям паутины, оставляя за собой тающие радужные следы на траве. Я научился различать в шорохе листвы едва уловимый, бисерный смех дзю-би-би — миниатюрных летучих мышей с хрупкими крыльями из живых лепестков белой магнолии. Эти удивительные создания никогда не знали вкуса крови; они питались исключительно чистым лунным светом и сладким ароматом раскрывающихся ночных цветов, оставляя после своего полета едва заметный шлейф парфюмерной свежести.

Но один из осенних вечеров нарушил этот привычный круговорот маленьких чудес. Вернувшись к своему уединенному дому, когда солнце уже садилось за зубчатый горизонт, я обнаружил на старом деревянном пороге нечто совершенно невозможное. Прямо под косым янтарным лучом заката лежал цветок, которого просто не могло существовать в нашей природе. Он казался сотканным из полуденного зноя и густой вечерней тени одновременно. Его тонкие, шелковистые лепестки непрерывно переливались, меняя оттенок от горячего медово-янтарного до холодного, глубокого фиолетового. А в самой сердцевине, вопреки всем законам физики, мерцала крупная капля росы — она не испарялась на воздухе и не стекала вниз, а жила своей собственной жизнью. Это не было обычным растением. Это был цветок-вопрос, безмолвный цветок-приглашение, оставленный кем-то, кто очень нуждался во мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.